

© 1991., СЭ, № 6

Л. Н. Пушкарёв

ЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XVII В.

В советской историко-филологической и философской науке давно уже признано, что «народное миропонимание является существенным и своеобразным элементом истории демократической культуры, духовного развития человечества», что «народное творчество, рассматриваемое под социально-политическим углом зрения, как выражение дум и стремлений трудящихся, есть проявление их самосознания, мировоззрения и органически входит в сложный, противоречивый комплекс общественной мысли»¹. В XVI—XVII вв. фольклор был почти единственной формой выражения сознания крестьянства².

Крестьянство же в России XVII в. составляло, как и в предыдущие времена, основную, преобладающую часть населения. Уже в силу этого характеристики его жизненных идеалов, общественных взглядов, мировоззрения важны и интересны и с научной, и с политической точек зрения. Однако по данному вопросу и по сей день высказываются прямо противоположные мнения. Так, историки (В. А. Александров, Н. А. Горская, М. М. Громыко, А. И. Клибанов, А. И. Копанев, Н. А. Миненко, Н. Н. Покровский, К. В. Чистов и др.) отмечают достаточно высокий для того времени уровень социального сознания русского крестьянина. Одновременно психологи (О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова) утверждают, что одной из самых характерных черт для русского крестьянства тогда было «отсутствие каких-либо общественно-политических потребностей и интересов, безразличие к тому, что происходит за пределами деревни»³.

Да, крестьяне жили замкнуто, случалось — голодали⁴, они были бесправны и «придавлены зависимостью». Но думать, что вся духовная энергия русских крестьян в XVII в. направлялась только на удовлетворение их первейших жизненных потребностей, неверно. Для крестьянина XVII в. характерен и интерес к «общему делу», как отмечал М. М. Богословский, — к общинному (земскому) самоуправлению⁵. Широко известно, что с традициями общинной жизни приходилось считаться даже государству: весь строй русской сословно-представительной монархии базировался на сотрудничестве (порой, правда, вынужденном!) центральных органов власти с общинными организациями государственных крестьян, а на Юге — с казачьим самоуправлением и т. д. Выборные мирские организации участвовали в судебной и финансовой деятельности местных властей. Вплоть до второй половины XVII в., земщина, рожденная вместе с опричниной в XVI в., сохраняла свои позиции в общественно-политической жизни страны⁶.

О нравственном и умственном кругозоре массы крестьян говорят «прекрасные образцы народного красноречия» (А. С. Пушкин), устного творчества (в XVII в. преимущественно крестьянского), народного вольного слова, примеры крестьянского прикладного искусства и т. д.

Главное же заключается в том, что крестьянин, даже не осознавая до конца своего приниженного положения в обществе, хранил в своем сознании высокие нравственные идеалы доброты и великодушия, милосердия и сострадания, совестливости, честного отношения к труду⁷, имел строгие нравственные устои в семье, прямо связанные с христианством в его ортодоксальной форме. Традиционные нравственные представления и нормы поведения всегда являлись величайшим достоянием русского народа. Они вырабатывались веками и сохранялись на века. В пределах статьи невозможно даже перечислить богатство и разнообразие

этих норм и представлений. Это и трудовая взаимопомощь, и поддержка семьи и общества («мира»), и уважение к старшим, и чувство долга и т. д. Крестьянскому самосознанию была присуща вера в бесконечное обновление жизни, в бессмертие человеческого рода, ибо жизнь крестьянина всегда неотделима от ритмов, гармонии и образа всей природы. Крестьянину с самых древних времен была свойственна поэтизация своего повседневного нелегкого труда⁸. Она легла в основу многих произведений народного устно-поэтического творчества и, в частности, в создание образа богатыря-пахаря Микулы Селяниновича как целостного идеала русского крестьянства, в известной степени, — как художественного обобщения творческих сил народа, его трудовой доблести, превосходства перед князем и княжеской дружиной. Не случайно Микула Селянинович противопоставлялся старшему богатырю-исполину Святогору, который даже при всей своей неимоверной силе не мог поднять «сумочку» с «тягой земной», в то время как Микула был способен нести ее на плечах. А образы Марьи Маревны и Василисы Премудрой! Это ли не своеобразное прославление не только трудолюбия, но и самого искусства труда, трудового творчества. Крестьянин уважал и даже идеализировал честно нажитый своим трудом достаток, поскольку это соответствовало обычаям и нормам трудового права. Типична и сказочная концовка — «Стали жить-поживать да добра наживать». Крестьянин не осуждал самый процесс создания достатка («добра»), но связывал его с честным и длительным трудом.

В крестьянской общинной среде была широко распространена взаимопомощь; трудовой пафос будней предполагал полную самоотдачу всех работоспособных членов общины или иного крестьянского коллектива. На повседневном труде каждого члена общины было основано понимание его правды и справедливости⁹.

Воспитание трудолюбия начиналось уже в детстве — сказками, народными песнями. Огромное значение имели пословицы, широко распространенные в крестьянском быту — своеобразный сгусток народного миропонимания, глубоко и емко отображающие, зачастую в художественно-обобщенной форме, реальную действительность и потому издавна используемые исследователями как важный (а порою и единственный!) источник для характеристики народного мировоззрения.

До нас дошли обширные собрания русских пословиц, дающие основание для воссоздания важнейших черт духовного облика трудящихся масс XVII в. Родившиеся в трудовой среде пословицы, широко распространенные во всех слоях русского общества, превращались (в основной своей массе) в общенародные, начинали выражать общечеловеческие стремления и идеалы, бывшие выше классовых и сословных. Это — уважение к жизни как высочайшему благу¹⁰. Для нас важно также отметить наличие среди жизненных идеалов людей того времени темы единства человека с окружающим его живым миром, сближения природных явлений с думами и чувствами крестьянина, повседневно заботившегося о сохранении естественных богатств и порицавшего хищническое к ним отношение¹¹.

Народная культура издавна была своеобразной системой, обеспечивающей гармоническое развитие труженика и социума в неразрывной связи со всем живым. Пословицы же как меткое, образное изречение, которые обобщали и типизировали различные явления не только жизни, но и культуры, учили уважать личность человека-труженика и его права. Именно поэтому нравственно-трудовые основы жизни крестьянина выдвинулись на одно из первых мест в его общественной мысли.

Своеобразный культ труда постепенно стал важнейшей составляющей в мировоззрении крестьянина. Он органически вытекал из его хозяйственного опыта и вековых, передававшихся из поколения в поколение, многообразных знаний о природе. Достаточно обратиться к таким (выходящим с 1950-х гг.) изданиям, как «Ежегодник по аграрной истории», «Материалы по истории земледелия и крестьянства в СССР» и др., чтобы убедиться в этом. Хозяйственный опыт крестьян сохранил важное значение и в наши дни, причем его изучение приобрело не только научно-исследовательскую, но и прикладную ценность¹². Однако в исследованиях до сих пор не раскрыто значение и место хозяйственного опыта крестьянина в складывании его мировоззрения¹³, не показана органическая связь народных знаний с ведением хозяйства, с темой труда и мастерства. Вме-

сте с тем богатые крестьянские производственные традиции, их эмпирические сельскохозяйственные навыки вытекали из трудовых привычек и умений, воспитывались и воспевались народом.

Тема не только труда, но и умения, мастерства — одна из ведущих в системе жизненных идеалов крестьянина. Недаром пословицы учат: «Ремесла за плечами не носят, а с ним лутче!» или: «Худое ремесло лутче доброва воровства». В пословицах подчеркивалось и выделялось значение именно крестьянского труда. Вот одна из пословиц XVII в. — «Что в деревне родится, то и в городе пригодится!», т. е. положительно утверждалось, что именно деревня кормит город.

В город поступал из деревни прежде всего хлеб. Хлебу — основному продукту деятельности крестьянина Руси — посвящено громадное количество пословиц, утверждавших, что «хлеб — всему голова», что «горек обед без хлеба» и т. д. Пословицы утверждали ценность того, к чему приложены руки хлебороба: «Красно поле со пшеницею!», «Хлеба край — и под елью рай, хлеба ни куска — и в полатех возьмет тоска!», — так кратко и выразительно другие пословицы отразили сущность бытия русского крестьянина.

Жизненные идеалы крестьянина XVII в., просматриваемые в пословицах, указывают не только на первостепенность труда, но и на необходимость работы добросовестной, т. е. на труд высококачественный, радующий глаз своим мастерством: если молоть зерно — то мелко, если прясть пряжу — то тонко; это требовало больших усилий, труда, пота. В образной форме пословица учит: «Не поклонясь грибу» до земли, не поднять его «в кузов». «Терть пилою — гнуть спиною», «Жать ячмень — нагибаться»; «Капусту садить — спине досадить» и др.

В пословицах находит отражение и тот факт, что далеко не всегда труд крестьян обеспечивал им сытую жизнь, иногда бывало и так: «В сусеке — мак, в другом — так, а в третьем — нет ничего». Или, с горечью: «Ори (т. е. паши. — Л. П.) до тины, а ешь мякины». Просматривается в них и замечаемое народом социальное неравенство: «Богатые сидят в пиру, а убогие (т. е. бедные. — Л. П.) бродят в миру».

В этой пословице — сострадание к бедняку, голодному, — нищему человеку. И родилась она бесспорно среди бедных, так как здесь видно сопереживание тяготам и лишениям. До наших дней дошла и старая народная пословица «Сытый голодного не разумеет», также свидетельствующая о понимании социального расслоения общества.

Изучение соотношения общечеловеческих и классовых аспектов в крестьянском мирозерцании приводит к выводу об их противоречивом сосуществовании и дополнении друг друга.

Проследим это на примере такой важной для понимания народного мировоззрения темы, как «Правда». Она уже не раз привлекала к себе внимание специалистов¹⁴. Но тесная, органическая связь этой темы в крестьянском сознании с темой «труда» исследовалась слабо. Связь труда и Правды находит выражение, в частности в том, что труд оценивался крестьянином не только с общечеловеческой, но и с сословно-классовой точки зрения. Крестьянин в общем-то осознавал, что одни — работают, а другие — пользуются результатами их труда: «Ржи много в поле, да нам нет доли!». Тоскуя по справедливым отношениям, построенным на Правде (в ее мужицком понимании: «Правда светляе солнца», — говорит пословица), «Правда права сама по себе», — утверждал народ и верил: «Правда всегда перетянет». Правда, с точки зрения труженика, не любит кривды и не боится суда, не любит лжи и не ищет милости: «Правду красить нет нужды». Любопытно, что однако же вместе с этим крестьянин нередко понимал, что одною «Правдою жить — скудно быть». Сама жизнь подтверждала, что «Правдою богат не будешь».

Тема Правды, ее поиска — одна из ведущих и в народных сказках. Поиски Правды в них сопровождаются сложными испытаниями сказочного героя — «Сказка о Правде и кривде», в которой кривда ослепляет Правду и предлагает жить по своим законам барину, купцу, судье. Важно подчеркнуть однако, что для крестьянской русской сказочной традиции характерно конечное торжество Правды.

Мотивы поиска Правды можно найти и в социально-утопических легендах XVII и последующих веков, повествующих о вечном стремлении найти такую

мифическую страну («Беловодье»), где крестьяне живут вольно и свободно, а на богатой и счастливой земле царствует Правда¹⁵.

Постоянными поисками Правды проникнуты и взгляды крестьян на общину, ее возможности и функции, ее права и обязанности. Для крестьян XVII в. община была хранительницей коллективной Правды села или иного сельского коллектива, защитницей его интересов, концентратом обычно-правовых отношений. Община регулировала жизнь крестьян, устанавливала порядок совместного пользования лесами, пастбищами, рыболовными и другими угодьями, решала земельные споры между деревнями и отдельными крестьянами, заботилась об охране природных богатств, участвовала в раскладке податей и т. д. Именно через общину как тягловую единицу осуществляли крестьяне свое право на землю: община выступала гарантом этих прав, как бы «хранительницей» крестьянской Правды. Она концентрировала в себе крестьянский опыт и мудрость, основанные все на том же понимании Правды как справедливости и разумности. Перемены же в крестьянском сознании были тесно связаны со значительными изменениями в жизни крестьянской общины в XVII в. Тема «общины» и «мира» занимала значительное место в народном творчестве¹⁶. «Мирская молва — что морская волна!», — говорили тогда. Сила единения, общества, совместных действий — вот что неизменно отмечалось пословицами: «На людях и смерть красна», «Мир — дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет!»

Последние исследования историков рассматривают крестьянское правотворчество и правосознание как важнейшую составную часть обычно-правовых отношений в России XVII в.¹⁷ Для нас же важно отметить, что оценка общины крестьянином XVII в. служила ему средством выражения своих гражданских чувств: общинные дела для большинства крестьян были той областью, в которой они выступали не только как держатели земли, но и как общественные деятели. Община для крестьян играла организующую роль не только в повседневных хозяйственных вопросах (владение землей и прочее), но и в их столкновениях с претензиями господствовавшего класса и царской власти¹⁸. Работы недавнего времени показали, что крестьяне в XVII в. нередко бывали прекрасно знакомы с государственным законодательством, умело использовали его и весьма своеобразно толковали, обнаруживая высокую степень правосознания¹⁹.

Нельзя не отметить, что наряду с остросоциальными темами труда, Правды, общины и др., мы находим в общественной мысли крестьян стремление выразить и другие нравственные общечеловеческие ценности. Так, в пословицах XVII в. прослеживается одно из самых высоких нравственных качеств, ценимых в человеке, — доброта. Доброму человеку везде «добро». «Добрым — и слава, и почет». И даже помощь скорее и охотнее окажут именно доброму человеку! «Доброе слово — лучше мягкого пирога». Доброта в народном сознании всегда активна. Она неизменно преодолевает дурные человеческие качества «У доброго мужа и злая жена на добро есть!» Доброта всегда деятельна: «Блаженнее даяти, нежели взимати». Милосердный человек, делая добро другим, как бы обретал новые силы «Милость делает бодрость!»

Судя по пословицам, в XVII в. люди были убеждены, что «Ласковое слово пуще дубины», а «Ласковый теленок двух маток сосет». Христианское поучение (апокриф о Соломоне и Китоврасе) оформилась в XVII в. пословицей: «Ласковое слово кость ломит, а жесткое — гнев воздвигает». По-видимому, некоторые из пословиц о добре изначально возникали в среде бедных: «Добра та весть, коли говорят: пора есть!».

Может быть, отсюда шла и мечта: «Добро быть в радости и жить в сладости!».

Распространение в крестьянской среде ряда пословиц нравственного содержания во многом объясняется и влиянием христианской религии, которая призывала в проповедях к чувствам милосердия и сострадания, к душевной щедрости и великодушию, к доброте и трудолюбию. Эти проповеди соответствовали традиционному народному мировоззрению, церковные постулаты веками сохранялись в сознании поколений, во многом определяя жизненные идеалы людей. Церковь оттачивала для них словесную форму нравственных и моральных критериев.

Православие, которое традиционно исповедовало большинство русского народа в XVII в., было тесно связано с крестьянским трудом. Церковные обряды, об-

щинные моления нередко вызывались стихийными или другими бедствиями; они сопровождали начало либо окончание сельскохозяйственных работ, переплетаясь со старинным обычаем — братчиной²⁰. При всем этом нельзя не отметить своеобразный религиозный «партикуляризм» крестьянина в XVII в., особое почитание своих, местных святых, чудотворцев и праведников. Признавая целиком и полностью влияние церкви в крестьянской среде, нельзя не обратить внимание на своеобразное народное переосмысление главнейших догматов христианской религии, на создание особой совокупности народных верований, связанных с религиозно-мистическим поведением крестьян. Пример, подтверждающий как влияние православия на мировоззрение русского крестьянина, так и переосмысление религиозных постулатов, опять-таки можно увидеть в пословицах. Известно, что кротость, смирение («Смирение — богу угождение, уму просвещение, душе спасение, дому благословение и людям утешение — учила церковь»²¹) рассматривалось христианством как одна из основных добродетелей человека. «Не ищи, человеце, мудрости, — ищи, человеце, кротости. Аще обрящещи кротость, и одолеши мудрость»²²; или: «Помни, Господи, царя Давида и всю кротость его», — призывали с амвонов священники. Но, проникая в народное сознание, эта заповедь не оставалась неизменной, заставшей, получая новое языковое оформление, звучание (например: «Смирение — молодцу ожерелье»), а иногда и кардинально изменялась в смысловом отношении. Так, одна из народных пословиц утверждала попросту, что «смирнова человека всегда дураком зовут», — тем самым с житейской и бытовой точек зрения как бы опровергая отвлеченную церковную мораль.

Народное самосознание, конечно (и это широко известно), — сложный социопсихический феномен. Анализируя связанные с проблемой редкие источники XVII в., найдем и остатки языческих пережитков, и мощный пласт церковно-православных заповедей, и несомненные следы влияния господствовавшей идеологии. Трудно (да едва ли и необходимо?) — выделять долю тех или иных составляющих: они так тесно переплелись, глубоко и органично перерабатывались народным сознанием, что любое выделение чего-либо одного из общего целого приведет к некорректным результатам²³. По-видимому, все же правильнее давать более обобщенную характеристику жизненных идеалов и общественных взглядов русского крестьянства, учитывая при этом, конечно, участие в формировании их идей и взглядов всего феодального общества.

Однако есть, на наш взгляд, одна особенность народного мировоззрения, выделяющая его из системы взглядов всех остальных сословий общества. Речь идет об обычае, о традиции. Определяющими в решении многих нравственных и общественных вопросов являются ссылки на «свычаи и обычаи» предков, о чем и свидетельствует большинство источников, связанных с историей крестьянства. Подражание дедам и отцам, опора на их моральный авторитет, вера в неизбежность обычаев были присущи крестьянскому мировоззрению. Как говорится в одной из пословиц, «Обычай — не клетка, скоро не переставишь». Опыт и знания предшествовавших поколений, их нравственный потенциал — все это признавалось крестьянином опорой жизни, как бы изначальной точкой отсчета в шкале нравственных ценностей. Для крестьянина ссылка на действия и права его прадеда, деда или отца имела статус бесспорного доказательства. То же самое можно сказать и о крестьянской общине. «Сила привычки и инерция миллионов», — правильно подчеркивает И. Д. Ковальченко²⁴, — были мощной общественной силой и одной из существенных черт общественного сознания, но и нередко являлись преградой на пути социального прогресса. В то же время обычаи и традиции были и той консолидирующей основой, которая оказывала воздействие на сплочение крестьянства в его борьбе за существование.

Передаваемый из поколения в поколение социальный опыт, постоянно обогащавшийся и развивавшийся, имел огромное значение в жизни крестьянина XVII в. Объяснялось это, в частности, и тем, что тогда крайне медленно шли изменения как в сфере материального производства, так и в социальных отношениях: жизнь сыновей мало чем отличалась от жизни отцов и даже дедов. Поэтому трудовые навыки, нормы бытового поведения, отношения в семье, а также традиции социальной активности предков были для крестьянина своеобразным образцом, эталоном чувства, сознания и действия. В повседневной жизни, как о том гово-

рят источники устного народного творчества, крестьянин постоянно обращался к прошлому, интересовался им, стремился сохранить его в своей памяти. Эта историческая память составляла существенную сторону его общественного самосознания.

Живая связь времен, память об Отечестве, о своей роли в нем всегда были свойственны историческому сознанию крестьянина²⁵. Уже в XVII в. он гордился не только своим трудом, о чем говорилось выше, но и своим званием «кормилца земли Русской». Мало того, крестьянин осознавал, что его труд необходим и для «славы государственной и общей пользы»²⁶.

Интерес к историческому прошлому России у крестьян в XVII в. подтверждается изучением содержания волостных крестьянских библиотек²⁷, в которых наряду с преобладавшими в них религиозными книгами хранились и исторические сочинения, в частности, прологи. Бытовало в крестьянской памяти, например, имя Александра Невского. К нему, как к живому защитнику, обращаются безымянные авторы «Плача холопья», изображая тяготы крестьянской жизни:

Пройди всю подселенную — нет такого жития мерзкого!
Разве нам просить на помощь Александра Невского?²⁸

Крестьянскому сознанию всегда было свойственно понимание своей причастности к истории отечества²⁹. Не случайно атаман волжской вольницы Ермак Тимофеевич — один из излюбленных героев крестьянских сказаний XVII в.³⁰ Подвиг Ермака крестьяне видели в том, что он первым положил начало освоению новых сибирских земель³¹.

Русское средневековое (как, впрочем, и европейское) крестьянство было настроено монархически — этот факт общеизвестен. В сознании крестьян XVII в. вера в «доброе царя» была связана и с идеей защиты крестьян от притеснений со стороны бояр, дворянского своеволия и лихоимства, воевод, судей и приказных. Не кто иной, как «царь-батюшка», должен был защитить крестьянский мир от непосильной тяжести барской неволи. Наивный крестьянский монархизм совмещался с ненавистью к крепостничеству. «Добрый царем» в сознании крестьян, защитником народа от боярского произвола, воевод-взяточников становился даже Иван Грозный, превращенный крестьянской мечтой о справедливости из царя-тирана в защитника бедных и обиженных³². В сказках того времени типа «Горшения» мудрый царь вместе со смекалистым крестьянином потешался над бестолковым и недалеким боярином³³. Сказочный царь в крестьянском воображении, отраженном в произведениях народного творчества, ходит по ночам неузнанный, отыскивая неправду в своем государстве, чтобы людям хорошо жилось на земле³⁴.

А когда русские цари-самодержцы не отвечали народным чаяниям, они объявлялись «антихристами» (народное творчество рождало идеи о «подмененном царе»-самозванце)³⁵. Легенды о царях (или царевичах)-избавителях начали широко бытовать среди крестьян именно с XVII в. В стане И. И. Болотникова крестьян приводили даже к присяге царевичу Дмитрию, а среди разинских стрелов была особая лодка, в которой в глубочайшей тайне якобы содержался «царевич Алексей Алексеевич».

В устном народном творчестве нередко царь связывался с Богом. Среди бытовавших в крестьянской среде пословиц были и те, что восхваляли и царя, и Бога («Бога бойся, а царя почитай», и царскую службу («За Богом молитва, за государем служба не пропадет»)³⁶. Подобного рода афоризмы (к появлению которых, можно предполагать, приложила руку и церковь) приравнивали даже царский суд к суду божьему: «Суд царев — суд божий!». С темой царской власти, основанной на справедливости, в крестьянском сознании неизменно связывалось представление и о «правом суде», о законе как высшей моральной норме поведения. В частности, в одной крестьянской пословице мы встречаем такое исходящее из большого житейского опыта утверждение: «Аще бы не было суда, друг друга пожерли бы» (т. е. пожрали бы, съели бы.— Л. П.). Крестьянин немало испытывал от неправого воеводского суда, от судей — взяточников и лихоимцев, но при этом неизменно сохранял в своем сознании глубокое уважение к суду

праведному, справедливому: «Прав суд — не остуда!», требуя уважать закон («Закон преступить — во тьму поступить!», «Закон — закон законам!»).

Любопытно, что в XVII в. царская власть в крестьянском сознании неизменно связывалась с Москвой как местом пребывания царя, центром государства, в котором властвовали угнетатели — бояре, воеводы, дворяне и где в жизни далеко не всегда можно было найти справедливость. Ярко и недвусмысленно высказали крестьяне, испытывавшие это на себе, свое отношение к Москве: «Царство Москва, а мужикам — тоска!», «Москва — что доска: спать широко, да везде гнетет!».

Реальные тяготы власти, горькая крепостная доля рождали ненависть к угнетателям, приводили к поискам лучшей жизни — в мифической стране Беловодье. В создании утопических легенд, как показал К. В. Чистов³⁷, особую роль сыграли крестьяне-раскольники. Эти поиски облекались зачастую в религиозные формы. Вместе с тем, судя по фольклору XVI в., крестьяне продолжали искренне верить в одушевление природы, в магические обряды, в которые народное творчество включило и христианских святых (культ Власия, Флора и Лавра и др.).

Общественные взгляды массы крестьян формировались в XVII в. в условиях их повышенной социальной активности. Недаром русские современники называли этот век «бунташным»! Он начался Крестьянской войной И. И. Болотникова 1606—1607 гг., продолжился рядом локальных восстаний в середине века, и завершился грандиозным по масштабам Крестьянским восстанием 1667—1671 гг. под предводительством атамана Стеньки Разина и несколькими стрельческими восстаниями. Бурные события и политические катаклизмы XVII в. не могли не отразиться в народном творчестве, в том числе в пословицах: «Хоть на хвойке, да на своей вольке!»; «Хоть шуба овечья, да душа человечья!», — говорили тогда.

Сложной и трудной была борьба крестьян за «вольность». Они хорошо осознавали, что надеяться можно только на самих себя — ведь «Бог — высоко, а царь — далеко...». Волнения, бунты, войны неизменно заканчивались поражениями, но крестьяне упорно верили: в «другой раз» добрый «мужицкий царь» поймет справедливость их нелегкой борьбы, станет «грозой» для бояр и дворян. Уверенность в необходимости продолжать борьбу отобразилась и в таких пословицах XVII в., которые прославляли жестокую отвагу обреченных крестьян: «Мужик гол, а в руках у него кол!»; или: «Бунт — не перца фунт, а живет горек!». Нашла отражение в пословицах и сила свободного слова: «Холопье слово — что рогаatina!», — способного поднять крестьян на бунт, «бессмысленный и беспощадный» (А. С. Пушкин).

Подведем некоторые итоги. Информация о духовной культуре русских крестьян XVII в., содержащаяся в пословицах и других фольклорных источниках, свидетельствует, что жизненные идеалы и общественные взгляды крестьян XVII в. были тесно связаны с обычными, повседневными условиями их жизни, с теми особенностями природы и климата, в которых они трудились и от которых в значительной степени зависели результаты их труда. Потому-то крестьянин и понимал, что «счастья» и благополучия он мог достичь, лишь осознавая себя частью природы. От умения крестьянина учесть сложную связь природно-хозяйственных явлений, многократно повторявшихся в течение поколений, зависело благополучие его семьи и всей крестьянской общины, коллективный опыт которой, а также опыт предков были и основой и неотъемлемой чертой крестьянской духовной культуры с ее символическим языком, пронизывающим не только сакральную, но и, как мы видели при анализе пословиц, бытовую (мирскую) сторону жизни. Традиция была и оставалась фундаментом жизненных идеалов крестьянина, его общественно-нравственного сознания, основой его духовного мира.

Конечно, идеология, миропонимание, ментальность господствующего класса, а также элементы учения проникали в крестьянскую среду, влияя на систему нравственных и общественных взглядов крестьянина. Однако в XVII в. это было именно влияние, а не глубоко укоренившиеся нормы и образцы поведения. Духовные потребности крестьянина удовлетворялись не только его собственным творчеством, но и традиционностью его сознания, выраженной в фольклоре и прикладном искусстве, и обеспечивающей наибольшую сохранность, обогащение его жизненных идеалов. Вместе с тем народная культура не была некой «закры-

той системой», она постоянно обогащалась за счет проникновения в нее и первоначальных научных знаний, и профессионального (в то время главным образом церковного) искусства, и светской культуры вообще.

Устное народное творчество, по сути своей нравственно-воспитательное, сохранило в памяти народа преимущественно идеальные нормы и правила поведения, высоконравственные требования и постулаты. Дидактическое начало устного народного творчества определило присутствие в нем, главным образом, идеальных форм нравственности, образов и правил для подражания, которые далеко не всегда встречались в жизни.

Для исторической науки изучение жизненных идеалов и общественных взглядов крестьянства важно еще и потому, что способно помочь оценить тот вклад, который внесло крестьянство в сложение русской национальной культуры. До сих же пор мы пока лишь априорно осознаем, что и наша национальная культура и русский национальный характер испытали на себе воздействие духовной культуры крестьянства, бывшего основой русской нации.

Примечания

¹ Коган Л. А. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли//Вопр. философии. 1963. № 2. С. 92. См. также: *Puskarev L. N. Sociales Gedankengut im russische Sprichwort: Quellenkundlichen Probleme, demonstriert am Materialien des 17. Jahrhunderts*//Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. B., 1982. Bd. 24. S. 97—115; Коган Л. Н. К вопросу о роли народных масс в развитии духовного производства//Духовное производство и народная культура. Сб. науч. трудов. Свердловск, 1988. С. 6—20.

² См. подробнее: *Шушкова А. П.* О мировоззренческом содержании фольклора и некоторых особенностях его выражения//Вестн. МГУ (Серия VIII. Философия). 1969. № 6. С. 51.

³ *Зотова О. И., Новиков В. В., Шорохова Е. В.* Особенности психологии крестьянства (Прошлое и настоящее). М., 1983. С. 52.

⁴ *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1860. С. 311—313.

⁵ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1903—1912. Т. 1—2; *Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства//Новый мир. 1989. № 9. С. 225—231.

⁶ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978; *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.

⁷ См. об этом подробнее: *Пушкарев Л. Н.* Труд как основа общественно-социальных идеалов волшебной сказки//Тр. Ин-та этнографии АН СССР М., 1953. Т. 20. С. 127—150; *Акимова Т. М.* Проблема труда в русской народной волшебной сказке//Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 162.

⁸ См. об этом подробнее: *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 267—312; *Ярская-Смирнова Е. Р.* Философский анализ народной культуры. Автореф. дис. ...канд. философ. наук. Саратов, 1989.

⁹ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *еб же.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций//Сов. этнография. 1984. № 5. С. 70—80. (См. также дискуссию по этому вопросу — Там же. № 6 и 1985. № 2).

¹⁰ См. об этом подробнее: *Пушкарев Л. Н.* Представления человека о природе по памятникам русского фольклора XVII в.//Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 293—302.

¹¹ См. напр.: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться». Этот и все другие примеры взяты из сборников пословиц XVII — начала XVIII в. См.: *Симони П. К.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. I; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.; Л., 1961; *Дмитриев Л. А.* Отрывок из сборника пословиц XVII в.//Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972 и др.

¹² См. об этом: *Индова Е. И.* Задачи историков-аграрников по изучению и пропаганде сельскохозяйственного опыта//Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 54—63.

¹³ Начальный этап разработки этой темы см.: *Пушкарев Л. Н.* Пословицы, поговорки и приметы в записках XVII в. как источник по изучению сельскохозяйственного опыта русского крестьянина//Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Сб. 8. С. 112—127; *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

¹⁴ *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. Автор рассматривает народный идеал Правды на материале главным образом древнерусской письменности.

¹⁵ *Чистов К. В.* Легенды о Беловодье//Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 116—181. Тема поисков «Правды» была характерна и для древнерусской литературы с

самых ранних периодов ее существования. См. об этом: *Анисимова О. Н.* Представления о правде, любви, добре в древнерусских памятниках XII—XVII вв.//Терменевтика древнерусской литературы. Сб. I. XI—XVI века. М., 1989. С. 207—230.

¹⁶ *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 130—191; Крестьянская община Сибири XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1977; *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России: XVIII — начало XX в. М., 1984 и др. работы.

¹⁷ *Копанев А. И.* Правотворчество и правосознание северного крестьянства в XVI—XVII вв.//Вклад северного крестьянства в развитие материальной и духовной культуры. Вологда, 1980. С. 53—55; *Камкин А. В.* Некоторые черты правотворчества государственных крестьян//Там же. С. 48—50.

¹⁸ *Кавторадзе Г. А.* Крестьянский «мир» и царская власть в сознании помещичьих крестьян//Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972.

¹⁹ *Пушкаренко А. А.* Феодалное право и классовая борьба российского крестьянства в XVII—XVIII вв.//Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1971; *Покровский Н. Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в.//Источники по культуре и классовой борьбе феодалного периода. Новосибирск, 1982. С. 7; *Камкин А. В.* Некоторые черты правосознания государственных крестьян в XVIII в.//Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 96—103.

²⁰ *Попов А. Н.* Пыри и братчины//Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. Половина 2.

²¹ Богословия нравственная или христианские наставления... М., 1804. Ч. 2. С. 69—74.

²² Пример взят из «Азбуки» XVII в.//Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Отд. рук. Ф. 178. Д. 872. В записи на этом свитке с азбукой помета: «Писал сию азбуку села Глебовского многогрешный раб божий поп Василей Иванов Братищев лета 1670 своею рукою».

²³ Нам представляются безуспешными, например, попытки историков и филологов в прошлом столетии доказать именно церковное происхождение многих русских народных пословиц только на основе общности идеи. Например, сближение И. М. Сиротом пословицы «Ученые — свет, а неученые — тьма» с изречением Екклесиаста «Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою»//Екклес., II, 13. См. об этом: *Сирот И. М.* Параллели: Библийские тексты и отражение их в изречениях русской народной мудрости. Одесса, 1897. Вып. I.— Изречения и притчи Ветхого завета в сопоставлении с русскими народными пословицами и поговорками. С. 30. Подробнее: *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 132.

²⁴ *Ковальченко И. Д.* Исследование истины должно само быть истинным//Коммунист. 1989. № 2. С. 95.

²⁵ См. об этом подробнее: *Преображенский А. А.* Помня свое отечество...//Вопр. истории. 1985. № 1. С. 90—106.

²⁶ *Миненко Н. А.* История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма: Учебное пособие. Новосибирск, 1986. С. 26.

²⁷ *Копанев А. И.* Волостные крестьянские библиотеки XVI—XVII вв.//Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 66—67.

²⁸ См. об этом: *Сахаров А. М., Троицкий С. М.* Живые голоса истории. М., 1971. С. 172. Конечно, на популярность образа Александра Невского повлияло и то, что он был причислен православной церковью к лику святых.

²⁹ *Преображенский А. А.* Патриотизм — историческая память народа. М., 1985.

³⁰ *Пушкарев Л. Н.* Ермак в кругу богатырей русского эпоса//Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Тез. докладов. Новосибирск, 1981. Вып. I. С. 18—19.

³¹ *Ядринцев Н. М.* Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири//Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 81.

³² Известия иностранцев о России//Русский вестник. 1841. № 7. С. 177; *Веселовский А. Н.* Сказки об Иване Грозном//Древняя и новая Россия. 1876. № 4, *Сенигов И.* Народное воззрение на деятельность Ивана Грозного. СПб., 1892; *Вейнберг П.* Русские народные песни об Иване Грозном. СПб., 1908.

³³ *Алексеев М. П.* К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза//Сов. фольклор: Сб. статей и материалов. №№ 2—3 за 1935 г. М.; Л., 1936. С. 325—330.

³⁴ *Азадовский М. К.* Сказки об Иване Грозном//Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. 16. Статьи о сказке. М.; Л., 1938. С. 249—267; *Карелина Т. С.* Образ Ивана Грозного в литературе XVI века и народном творчестве//Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1955; *Brooks J.* From Folklore to Popular Literature//Russian History — Histoire russe. Irvin, 1987. V. 14. Pt. 1/4. P. 37—46; *Ingham N. W.* The Prosa of Ivan Grosnyi in Russian Folklore//Ibid. P. 395—408; *Perrie M.* The Image Ivan the Terrible in Russian Folklore. Cambridge, 1987 и рец. И. О. Тюменцева на эту книгу (Вопр. истории. 1990. № 3. С. 182—184). Отображение отношения крестьянских масс к царской власти в историографии рассмотрено по памятникам древнерусской письменности: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVI века. Пгд., 1916; *его же.* Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной//Изв. отд. рус. яз. и словесности АН СССР. Л., 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 214—236; *Черепнин Л. В.* Тема государства в русской публицистике начала XVII в.//Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 175—179.

³⁵ Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб.: М., 1867. Т. I; Соловьев С. М. Записки о самозванцах в России//Русский архив, издаваемый при Чертковской библиотеке библиотекарем Петром Бартеневым. Год шестой. М., 1868. С. 266—281; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XIX в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990.

³⁶ Как показывают последние исследования, в общественной мысли XVII в. идея служения царю постепенно перерастает в идею служения государству (См.: Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в.//Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1989. Вып. I. С. 28—42), однако в крестьянском сознании образ царя как бы воплощал в себе и государство, и государственную власть.

³⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XVIII вв. М., 1967.

© 1991 г., СЭ, № 6

М. В. Тендрякова

ПЕРВОБЫТНЫЕ ИНИЦИИИ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Сегодня интерес к первобытным инициациям перешагнул границы классической этнографии. К теме инициаций стали обращаться представители самых различных специальностей — психологи, психотерапевты, психиатры, философы, теологи, педагоги... С одной стороны, такое внимание порождено общим стремлением современной науки опереться на опыт прошлого в поисках утраченных знаний о гармонии человека и его мира — что-то вроде увлечения западной медицины знахарями и хилерами. С другой стороны, у истоков этого нового интереса к инициациям стоят проблемы взросления и становления личности современного человека в разные периоды жизни, его социальной адаптации и смены позиции, занимаемой им в обществе.

Психиатры, психотерапевты, психологи, анализируя большое количество эмпирического материала, клинических наблюдений различных психических расстройств, объединяемых под названием «малая психиатрия», различных случаев нервных срывов, комплексов, коммуникативных барьеров, девиантного и суицидального поведения, видят, что многие из них прорастают из сложившегося несоответствия между заданной окружающими социальной позицией и внутренней неготовностью личности принять на себя соответствующие функции и полномочия. То есть из того, что переход от одной социальной ситуации существования к иной состоялся чисто формально — внешние события (будь то смена работы, изменение культурной среды, получение аттестата зрелости...) никак не подготовили изменений внутреннего мира личности, тем самым создав почву для возникновения проблем социальной адаптации и личностных кризисов.

Английские психологи Дж. Адамс, Дж. Хайес и Б. Хопсон отмечают, что современное общество легко отторгает субъекта от определенной социальной группы и дальше бросает его на произвол судьбы в поисках подходящей «нейтральной полосы» и способов реинтеграции в новую среду¹. Главная идея этих ученых состоит в том, что состояние перехода, понимаемое ими как перерыв постепенности, как поворотный момент в жизненном пространстве личности, содержит в себе ценнейшую возможность личностного роста². Таким образом, за невниманием к подобного рода переменам в жизни человека стоит не только угроза целостности личности, но и упущенные возможности некоего «обучающего потенциала», способствующие осознанию себя через произошедшие перемены, через рефлексию своего я.

Отсутствие в современности официальных общепринятых обрядов посвящения (или предельная их формализация — такая, как в крещении, конфирмации) — это в принципе только одно из проявлений невнимания технократической культуры к личности. Обращаясь к истории, можно предположить, что в культуре должен существовать особый институт человека, заботящийся о его духовном мире, об осознании им своих поступков в контексте взаимоотношений с другими людьми, с социальными стереотипами и канонами.